

Т. В. Скулачева (Москва) skulacheva@yandex.ru
Н. А. Слюсарь (Москва) slioussar@gmail.com
А. Э. Костюк (Москва) kostyuk.ae@gmail.com
М. А. Грановская (Москва) mariagranovskaja@yandex.ru
Я. С. Иванов (Москва) nightflower@yandex.ru
Б. А. Савина (Москва) bozhenasavina@gmail.com

СТИХ И ПРОЗА: ВОСПРИЯТИЕ СЕМАНТИКИ

Важнейшие задачи лингвистического стиховедения – определение специфики стиха как особого типа речи и выделение лингвистических механизмов, которые присутствуют в стихе всегда, независимо от языка, периода, литературного направления или индивидуального стиля. К настоящему моменту лингвистическим стиховедением накоплен значительный материал по устойчивым отличиям стиха от прозы на всех языковых уровнях. Было обнаружено, что самыми устойчивыми являются следующие механизмы: 1) обеспечивающие деление на строки (основной признак стихотворного текста) и сохраняющие внутреннее единство и целостность стихотворной строки; 2) затрудняющие быстрое и легкое восприятие логики в стихотворном тексте.

В связи с этим наша работа по определению лингвистической специфики стиха идет по трем основным направлениям:

1. Определение особенностей стиха на всех лингвистических уровнях, отличающих стих от прозы и присутствующих в любом стихе независимо от языка, периода, литературного направления и т. д.

2. Воздействие этих особенностей на сознание читателя (не зависящее от языка и т. д.), доказанное экспериментальными методами современной психолингвистики – функциональная нагрузка выявленных закономерностей. Был проведен ряд поведенческих экспериментов, позволяющих предположить, что стих и проза обрабатываются мозгом по-разному. На материале стиха и прозы на 5 языках (русский, английский, немецкий, турецкий, корейский) доказано экспериментально, что одни и те же ошибки не замечаются в стихе, но с легкостью замечаются в максимально близком к тексту прозаическом пересказе. Можно предположить, что в стихе частично подавляется логическое и критическое мышление и компенсаторно усиливается образное.

3. Результаты воздействия стиха и его особой обработки мозгом, семантика, как она представляется информантам после прочтения стихотворного текста и максимально близкого к нему прозаического пересказа. Серия экспериментов по восприятию семантики показала, что стих трактуется разными информантами по-разному: каждый информант, отталкиваясь от образов стихотворения, запускает свой набор ассоциаций, поэтому количество трактовок даже, казалось бы, простого для понимания стихотворения может исчисляться десятками и содержать взаимоисключающие варианты понимания. Процесс понимания стиха существенно отличается от понимания прозы, предполагающей выбор одной наиболее вероятной трактовки всеми информантами.

В данном докладе мы сосредоточимся на экспериментах по восприятию семантики стиха. Эксперименты проводились с участием информантов-носителей языка от 18 до 55 лет, в каждом эксперименте участвовало 40 информантов. Эксперименты с разными стихотворениями проводились разными экспериментаторами и на разных группах информантов. Мы опишем эксперименты с пониманием стихотворений «Бычок» А. Барто, «Наполнив красоту здоровьем...» В. Хлебникова, «Звезда полей» Н. Рубцова и некоторых других.

Интересно, что простое детское стихотворение-четверостишие А. Барто дает в несколько раз больше трактовок, причем взаимоисключающего характера, чем гораздо более сложное стихотворение В. Хлебникова «Наполнив красоту здоровьем...».

В стихотворении Н. Рубцова «Звезда полей» «*звезда полей*» понимается как «*родина*» (15 % информантов), «*женщина*» или «*девушка*» (7 %), «*Полярная звезда*» (18 %, хотя никаких указаний на это в стихотворении нет), «*Сириус*» (3 %), «*Луна*» (30 %), «*Солнце*» (5 %), «*надежда, вера*» (12 %). Сходный разброс трактовок мы наблюдаем и в других экспериментах, причем широта разброса трактовок не зависит от автора и не коррелирует с уровнем образования информантов. Так, для стихотворения «Я на дне, я печальный обломок...» И. Анненского первые взаимоисключающие трактовки были высказаны М.Л. Гаспаровым («*обломок*» – обломок статуи) и О. Роненом («*обломок*» – Персей) – лучшими в своих странах специалистами по Серебряному веку, причем в эксперименте трактовку Гаспарова (очень вероятно, самую правильную) поддержали всего 12,5 % информантов, а трактовку Ронена – никто. Зато самыми частотными оказались предположения, что «*обломок*» – 1) «*обломок горевшего здания*» (потому что «*мрамор*», «*весь изнизанный синим огнем*», «*водомер*», представленный этой группой информантов как пожарный шланг, а не как фонтан, описываемый Анненским), 2) «*труп*» (потому что «*зеленеет*», «*нет путей никому, никуда*»), 3) «*обломок статуи*» (потому что «*Андромеда с искалеченной белой рукой*»), 4) «*астероид*» или «*падающий летательный аппарат*» («*небо*», «*зигзаги полета*», «*Андромеда*», понимаемая как созвездие, так как у современного читателя больше ассоциаций с астрономией, чем с мифологией). Как мы видим, широкий разброс трактовок (вплоть до взаимоисключающих) является, по-видимому, для стиха не курьезом и не следствием необразованности информантов, а нормальным восприятием стихотворного текста, когда каждый информант запускает свою цепочку ассоциаций, зависящую от его личного опыта, воспоминаний, настроения и множества других факторов. По-видимому, это одно из существенных отличий того типа обработки текста, который ранее назывался «образным мышлением».

Работа выполнена при поддержке гранта РФ № 23-28-01812.